

СООТНОШЕНИЕ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

И.М. Алиева

В статье раскрывается тема использования теоретических положений современного языкознания в процессе обучения иностранным языкам. Автор рассматривает возможность включения концептуальных идей всех трех парадигм в лингводидактику.

The article deals with the teaching of Russian language. The article is about the scientific paradigms in the linguistics. The author puts that possibilities structuralism and anthropological paradigm should be used equally.

Ключевые слова: научная парадигма, языковые универсалии, дискурс.

Key words: scientific paradigm, language universals, discourse, language didactics.

Концептуальные идеи всех трех парадигм современного языкознания (сравнительно-исторической, структуралистской и антропоцентрической) непосредственно представлены в процессе обучения иностранным языкам. Например, идея сравнительно-исторического языкознания с логической последовательностью приводит к созданию типологических представлений о языках мира и о существенных различиях между ними в грамматическом строе и семантической системе. С другой стороны, осознание важности типологических различий принципиально важно на фоне языковых универсалий. Непосредственно практический выход в лингводидактику здесь закономерен. В процессе обучения иностранным языкам, как правило, исходят из существенности универсалий, на фоне которых представлены типологические различия в родном и изучаемом иностранном языке. Типологии удастся выделить основные участки и направления сходств и различий, на которых необходимо фиксировать внимание. Причем дискретность языка, то есть объекта описания, приводит к дискретности описательного механизма. С другой стороны, различными могут быть векторы сопоставительного исследования. Во всех случаях сопоставительный анализ и выделение типологических различий и сходств задействует универсальный эпистемологический механизм интеллектуального освоения мира, что имеет первостепенное значение в обучении иностранным языкам. Причем, сама логика анализа предполагает всесторонность охвата языковых явлений. Например, «Наряду с контентивно-текстуальным сопоставительным анализом можно выделить еще один аспект, недостаточно исследованный зарубежной контрастивной лингвистикой. Это – сравнительное исследование самых общих закономерностей расхождений, выявляемых при контрастивном анализе. Например, лексику можно сопоставлять по отдельным словам, по цельным семантическим группам, по морфологической структуре слов, наконец, в функционально-ономасиологическом плане – по способам лексического выражения тех или иных значений или обозначения тех или иных денотатов. Но сопоставление лексики может идти и по общим категориям: использование гиперонимов и гипонимов, прямых и переносных значений, нейтральных и экспрессивно окрашенных значений, универсальных и многокомпонентных

номинаций и т.п.» [5, с. 15]. Таким образом, очевиден непосредственный выход сравнительно-исторического и типологического языкознания в лингводидактику и, в частности, в систему обучения иностранным языкам.

В контексте антропоцентрического языкознания становится необходимым дать конкретные и однозначные ответы на такие вопросы, как формы воплощения культуры в языковых феноменах. Постановка вопроса сразу же обнаруживает всю серьезность проблемы. Легко сказать, что культура отражается в языке, значительно труднее описать в непротиворечивых терминах конкретные номинации. Причем следует понимать под номинацией не языковую единицу, а процесс означивания. Таким образом, необходимо показать конкретные способы превращения культурных феноменов в языковые феномены, в знаки.

Другим важным моментом в пространстве органического единства языка и культуры является сознание как языкового коллектива, так и отдельного индивида как представителя данного языкового и культурного коллектива. Можно много рассуждать об абстрактных критериях обнаружения точек соприкосновения культуры и языка, но на самом деле единственным местом локализации таких контактов является сознание индивида. Именно индивидуальное сознание определяет онтологический статус ментального соединения языка и культуры, потому что естественная контаминация языка и культуры представляет собой исключительно ментальный процесс.

Специфика лингвокультурологической парадигмы состоит в том, что эта новая отрасль знания «использует данные культурологии, социологии, психологии в тех или иных их аспектах, которые имеют отношение к предметной области лингвистики – речевой деятельности» [4, с. 9]. Лингвокультурологический фактор актуализирует и представление о дискурсивных практиках как о речевой деятельности в широком, социологическом, политическом и культурологическом значении. Важно понимать, что дискурсивные практики могут структурироваться как осознанно, так и бессознательно.

Изучение иностранного языка сводится к изучению различных дискурсов, однозначно накладывающихся на действительность. Чтобы изучить действительность, необходимо изучить язык. Действительность распадается на фрагменты, которые полностью укладываются в дискурсивные пространства.

Такое понимание связи языка, культуры и действительности крайне актуально и в пространстве изучения родного языка, которое просто неотделимо от познания мира или даже знакомства с миром, характерного для психической жизни любого ребенка. В процессе изучения иностранного языка символическая функция знаков бывает представлена более выпукло.

Если дискурс – это совокупность высказываний, принадлежащих единой дискурсивной структуре, то дискурсивная практика – это «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [2, с. 101].

При таком понимании языка обучающийся иностранному языку воспринимает его прежде всего как практику дискурсивных игр. Условность знаковой системы и ограничения, накладываемые системой на реализацию содержания языковой единицы, воспринимаются как правила игры. Поэтому антропоцентрический метод вообще актуализирует игровые методы обучения иностранным языкам.

Системно-структурная парадигма в языкознании сегодня может рассматриваться как нечто промежуточное между сравнительно-историческим и антропоцентрическим подходом. Она, разумеется, значительно более строга в методологическом отношении и в высшей степени формализована по сравнению со сравнительно-историческим языкознанием. С другой стороны, она полностью отказывается от ментального фактора в структурировании объекта. Это и отличает структурализм от антропоцентрического языкознания. Между тем структурализм даже сегодня, будучи во многом преодоленной концепцией, не утрачивает своей методологической и эпистемологической ценности. Принципы и методы системно-структурного языкознания имеют непосредственный выход в лингводидактику. Более того, понимание природы объекта, механизма его функционирования и эволюции оказывается востребованным в практике обучения иностранным языкам.

Существуют фундаментальные принципы структурализма, определяющие его лицо и целостность в истории языкознания. Важнейшим структуральным принципом, нашедшим отражение в названии парадигмы, является принцип системного ограничения, накладываемого на реализацию содержания языковой единицы. В соотношении единицы и системы второе доминирует над первым. Следовательно, важно не абстрактное значение языковой единицы, а те ограничения, которые система накладывает на нее.

Вполне логично задать вопрос: какие лингводидактические выводы можно сделать из этого важнейшего теоретического постулата структурализма? При изучении иностранного языка почти ничего не дает знакомство с содержанием языковой единицы. Подлинное знание связано не с содержанием языковой единицы, а с системным ограничением. Например, мало сказать обучаемому, что в русском языке существует фразеологизм *куры не клюют* в значении «много». Важнее указать, что существует конфигурация «*куры не клюют* + *деньги*», поскольку система русского языка накладывает ограничения на реализацию значения «много» этим фразеологизмом. Суть системного ограничения заключается в том, что значение «много» фразеологизм *куры не клюют* способен реализовать только в сочетании со структурно релевантным окружением, а именно в сочетании с лексической единицей *деньги*.

Академик В.В. Виноградов указывал: «Связь значений в смысловой структуре слова, способы сочетания слов и значений в речи определяются внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы. Здесь кроются основания и условия исторически сложившихся ограничений в правилах связывания значений слов и в семантических сферах их употребления. Вот почему далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают. И в этой сфере язык представляет собой продукт разных эпох. Многие значения слов замкнуты в строго определенные фразеологические контексты» [1, с. 175].

В.В. Виноградов показывает несоответствие валентности слова и его функции, что непосредственно отражает системные ограничения языка. Например, он говорит о том, что слово *безысходный*, означающее «не имеющий исхода, то есть очень интенсивный, напряженный по силе», реализует свое значение исключительно в сочетании с названиями отрицательных эмоций. Говорят *безысходная тоска*, *безысходная печаль* и нельзя сказать *безысходная радость* и т.д. [1, с. 176]. Казалось бы, функция обозначения степени чувства должна позволять этому слову употребляться с любым обозначением

чувства. Однако система русского языка очевидным образом ограничивает возможности реализации этой функции. Указанное слово способно реализовать свое значение только в сочетании с названиями отрицательных эмоций.

Это ограничение носит чисто семантический характер. Однако в той же работе В.В. Виноградов показывает и конструктивное ограничение. Таким образом, анализ типов лексических значений выводит В.В. Виноградова на валентность лексических единиц, что непосредственно отражает закономерности структурных ограничений. При этом характерно, что логика исследования выводит ученого на два типа закономерных ограничений – семантическое и конструктивное.

Неслучайно также Виноградов говорит о типах лексического значения, хотя на первом плане в рассматриваемой работе находятся проблемы сочетаемости слов. Семантические и конструктивные ограничения реализации содержания непосредственно связаны с лексическим значением. Хотя, на наш взгляд, логика семантического и валентностного анализа может подсказывать и обратное, а именно: тип лексического значения предопределяется особенностями сочетаемости.

Таким образом, основными принципами системно-структурной парадигмы, как видно из самого названия, являются системность и структурность. Следует отметить, что провозглашение этих принципов с самого начала формирования парадигмы предполагало совершенно особое отношение к своему объекту. Например, важнейшим признаком системы является взаимообусловленность элементов. На первый взгляд кажется, что понятие «взаимообусловленность» такое же простое, как и «взаимосвязанность», однако это не так. Взаимосвязанность предполагает наличие каких-либо отношений между объектами. Взаимообусловленность означает, что существование одного объекта обусловлено существованием другого объекта. Понятно, что «взаимообусловленность» – более сложное понятие, однако именно оно представляет собой наиболее существенную характеристику системы. Любая система представляет собой некоторое упорядоченное множество, характерной особенностью которого является причинно-следственная связь между единицами. Следовательно, ничто в системе не является случайным, и язык как система не является исключением. Именно это понимание природы языковой системы обусловило важнейший теоретический постулат структурализма о возможности корреляции с нулем. Суть тезиса о корреляции с нулем заключается в том, что обусловленность появления того или иного элемента не связана с его появлением, то есть причины, обуславливающие появление некоторого признака, не менее важны, чем сам этот признак. При наличии двух взаимообусловленных признаков существенна их корреляция. При наличии одного признака и отсутствии другого существующий признак коррелирует с нулем. Разумеется, корреляция с нулем есть результат действия функции существующего формально признака. Таким образом, важны даже не признаки, а структурные отношения между ними.

Очевидно глубинное различие в механизме метафоризации на основе одного и того же объекта сравнения. Семантический анализ в данном случае должен последовательно проводиться в аспекте асимметрии языкового кода и эволюции означающего знака и одновременно в лингвокультурологическом аспекте. Такой параллельный анализ, объединяющий цели двух разных лингвистических парадигм только и может привести к наиболее эффективным

результатам, максимально полноценной информации о языковом факте и системе в целом.

Совершенно очевидно также, что такое закономерное согласование стратегий структурализма и антропоцентрического языкознания находит непосредственный и столь же закономерный выход в лингводидактику. Так, культурологические различия, обусловившие конкретику асимметрии кода того или иного языка, естественным образом должны оказываться в центре внимания реципиента при обучении иностранному языку. Особенно в условиях изучения иностранного языка вне языковой среды, на наш взгляд, осознанным должно быть понимание того, что «обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по "наклонной плоскости реальности". Каждое "выходит" из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны; будучи парными (*accouplés*), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: "адекватная" позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации» [3, с. 90].

Конкретные ситуации, в результате приспособления к которым адекватная позиция знака постоянно перемещается, носят культурно обусловленный характер, на что обязательно должно обращать внимание в лингводидактике.

Другим важнейшим понятием структурализма, имеющим непосредственный выход в методику обучения иностранным языкам, является понятие о системно-значимых связях и отношениях, то есть о тех отношениях, которые собственно и делают язык системой. Ситуация знакоупотребления снимает многозначность и позволяет знаку реализовать свое содержание. Следовательно, встает вопрос об условиях коммутации или условиях субституции знаков.

Если система языка представляет собой совокупность тождеств и различий, то становится понятным, что тождества делают в принципе возможной субституцию, в то время как различия в принципе отрицают такую возможность. Однако если система одновременно является системой тождеств и различий, то актуальным становится вопрос об условиях субституции. Если субституция связана с тождествами и различиями, то она возможна только при условии нейтрализации различия, дифференциальных признаков.

Дискретность предполагает, что лингвистический анализ всегда исходит от некоторого заданного текста. Именно текст наблюдается в процессе коммуникации. Это утверждение абстрагируется от таких вариантов структуры, называемой текстом, как устный и письменный, диалогический или монологический. Утверждение о тексте предполагает, что анализ ведется от некоторой целостной структуры, репрезентирующей некоторый законченный смысл, по непосредственно составляющим. Так, непосредственно составляющими текста являются сложные синтаксические целые, предложения, словосочетания. Непосредственно составляющими словосочетаний являются слова. Непосредственно составляющими слов являются морфемы, которые, в свою очередь, делятся на фонемы как мельчайшие смысловозначительные элементы. Таким образом, каждая языковая единица предполагает деление на единицы более низкого уровня вплоть до фонемы, которая соответствует самому мелкому смысловозначительному элементу, самой мелкой информационной единице: «Дискретность и неоднородность – это фундаментальные и

наиболее общие свойства элементов языка. Это системообразующие свойства, сохраняющиеся за все время существования системы. Это максимально общие характеристики элементов всех уровней. Они проявляются на разных уровнях различно» [6, с. 52].

Рассмотренные постулаты всех трех парадигм обязательно должны включаться в лингводидактику. Теоретические положения современного языкознания закономерным образом находят практический выход в процесс обучения и должны быть сознательно использованы.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов // В.В. Виноградов. Избранные труды. – М. : Наука, 1977.
2. Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия / В. А. Канке. – М. : Логос, 2000.
3. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М. : Просвещение, 1965. – Ч. 2. – С. 85–90.
4. Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
5. Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 25: Контрастивная лингвистика.
6. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1971.

ПРОЗВИЩЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

(на примере сборной РФ по футболу)

Т.С. Астахова

Статья посвящена прозвищу как неотъемлемой части системы именований лиц и его роли на разных этапах становления официального языка и государственности России. В результате исследования становится очевидной диахроническая стабильность таких антропонимов русского языка, как личное имя и прозвище в текстах разных эпох и жанров, что подтверждается анализом берестяных грамот и летописей, а также употреблением идентифицирующих прозвищ в современном русском языке (механизмы выбора прозвищ в коллективах спортсменов, употребление прозвищ в текстах СМИ).

The article discusses nicknames as an essential part of the system of name giving and their role on different stages of language evolution and the Russian statehood formation. The research shows diachronic stability of such Russian anthroponyms as personal names and nicknames in texts of different epochs. This conclusion is confirmed by the data of birch-bark letters, medieval annals and also by modern Russian identifying nicknames (the mechanisms of nickname selection in sports teams, the usage of nicknames in mass-media texts).

Ключевые слова: антропонимика, аппозитивное нелокальное прозвище, локальное прозвище, личное имя, отчество, берестяные грамоты, летописи, СМИ.

Key words: anthroponymics, appositive nonlocal nicknames, local nicknames, proper name, patronymic, birch-bark letters, annals, mass-media.